

УДК 177.8

А.В. Миронов, канд. филос. наук, доцент*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: fsn-sntu @ gmail.com***СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБОСОБЛЕННОСТИ И ЕДИНСТВА В ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Рассматривается проблема отношений личности и государства в размышлениях античных историков и философов. В философии киников нашла отражение двоякость одиночества гражданина в обществе – с одной стороны, протест против формального единства в обществе наряду с сохранением своего «я» и, с другой стороны, потерю общественной сущности как части своего «я».

Большая часть современных политических и социальных проблем была заявлена в философии древней Греции. Представленный в ней опыт позволяет судить о генезисе исторического процесса, векторах развития, мотивах трансформации. Соотношение явлений близкой логической конфигурации отвечает на наиболее острые вопросы современного общественного строительства. Апробировав различные формы государственного управления (от тирании до демократии), создав нравственные системы с разнообразной мотивацией, оговорив сущность человека, его права и обязанности, античная философия объясняет механизм включения человека в социальную сущность. Большинство теорий, касающихся переустройства гражданской жизни, обретения счастья, полноценного и радостного существования, преодоления пороков и дисгармонии личности, вынуждены обращаться к греческим примерам, так как основы нашего сосуществования продолжают опираться на достижения Платона, Аристотеля, Диогена и других мыслителей того периода. Тема социального одиночества, как одна из основных в современной цивилизации, может быть истолкована в новых понятиях с учетом античного наследия. Классическая схема в гуманитарном сознании человека о единстве, нерасторжимости гражданского полиса и государства, частью которого он является, меняет очертания при детальном знакомстве не только с произведениями философов, но и историков, делавших акцент на биографии политиков, полководцев, государственных деятелей, рассматривающих кризисы и потрясения, поражавшие греческий мир.

Первоначальный период античной истории характеризуется родственно-племенными связями. Традиции, утвердившиеся на этом этапе остаются значимыми для всей эпохи, так как равноценного и полностью адекватного им не было найдено. Если «ближайшие родственные отношения являются чем-то максимально понятным, всегда обязательным и неопровержимым, то и воззрения на природу и на весь мир сводятся, в основном, к выдвиганию на первый план родственных отношений. Весь мир представляет собой в те времена универсальную родовую общину» [1, с.10]. Человек одновременно часть и природы, и социального сообщества. В мифологемах, которыми он пользуется для идентификации с другими, четко представлено его место в мире, укорененность взаимоотношений с соотечественниками, без выделения себя из Вселенной, где все находится во взаимосвязи, поэтому чувство родственности переносится и на окружающую действительность. Часть и целое призваны взаимодействовать. Индивид ощущает себя составляющей племени, природы, универсума. Неразделимость формирует ожидание поддержки и помощи от своих, но также и неприятие чужих. Чувство долга, необходимость служения сообществу становится для гражданина неотъемлемым фактором самореализации. Иной вариант поведения невозможен, так как ведет к противоречию с коллективом и, тем самым, лишает общественного уважения – самого сильного критерия самооценки. Патриотизм становится естественным результатом племенной организации. Ощущение неразделимости с другими позволяет преодолеть опасности, придает эмоциональную уверенность при разрешении сложных ситуаций. Ясность целей деятельности, четкость в определении союзников, понимание социальных установок, бескомпромиссность в отношении врагов делает жизнь грека в данный период простой в осознании и легкой в исполнении. Внутренняя противоречивость не свойственна личности в архаическую эпоху. Усилия во благо всех (оговоримся – своих) приносит удовлетворение и почитание со стороны окружающих. Крепкие узы соединяют индивида с социальным миром, они выступают как обычай, требующий беспрекословного выполнения, компенсируя свои требования ощущением сопричастности и значимости.

В произведениях Гомера «Одиссея» и Гесиода «Труды и дни» сформулированы основные добродетели и пороки, которые должны определять жизнь гражданина: бескорыстие, благодарность, почитание старших, ответственность за происходящее. Устранение от своих обязанностей недопустимо – подобное может стать причиной конфликта с окружающими, которые и есть единственно возможная среда полноценного существования. Одиссей, возвращающийся на Итаку, преодолевая сложности,

искушения, рискуя жизнью, стремится к воссоединению со своим сообществом, осознавая, что в любом другом месте он будет чужим. Народ, государство, город сливаются воедино и отождествляются с «я». Ген (род) – основание для гордости, а утрата его расположения – самая большая потеря. Она превращает человека в социально недееспособное существо, опускает до животного состояния. Общение, приносящее радость – право достойного, которое он должен подкреплять на протяжении всей жизни своими поступками. «Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в народном собрании поглощали все их время, когда они не были в походе» [2, с. 116]. Постоянное совместное пребывание спартиатов не оставляло гражданина один на один с собой, устраняло саму возможность предаться чувству одиночества: общие цели, общая собственность, общие победы и поражения. Согласно своей сущности, человек утверждается в коллективном пространстве, нравственно и эмоционально соответствуя стандартам группы, к которой он принадлежит.

В V веке до н.э. Греция переживает кризис. Во многом он был обусловлен Пелопонесской войной, возвышением Афин, материальным расслоением. Дух коллективизма уступает место индивидуалистическим тенденциям. Наблюдается распад прежних связей, разобщенность, изоляция личности в социальном контексте. С этой ситуацией связано развитие философии. Упадок коллективистской морали вынуждает человека самостоятельно решать возникающие проблемы. Расхождение политических симпатий (лагерь аристократов, сторонников монархии, жесткого правления немногих и защитников демоса, прав граждан) имеет четкий отпечаток в философских концепциях. «Весь эллинский мир был потрясен борьбой партий... Политические узы оказались крепче кровных связей... У главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство. Всячески стараясь при этом одолеть друг друга, они совершали низкие преступления» [3, с. 281]. Фукидид описывает столкновение Афин и Кирены, но, абстрагируясь от конкретных участников и мест, можно предположить о классовости подобных явлений. Греческий мир начинает разрушаться изнутри. Тщеславие, властолюбие, корысть вытесняют патриотизм, справедливость, единство. Они остаются как формальные ценности. Индивидуализм постепенно становится более удобной формой существования, старающейся ужиться с прежними традициями на уровне поклонения культу, но игнорируя содержание. Индивид, благодаря развивающейся рациональности, овладению логикой, риторикой, основами политики, учится разделять личное и общественное, определять необходимое и достаточное, достойное и постыдное. Исходя из собственных парадигм, баланса приоритетов человек чувствует свою «встроенность» в социальный мир или нарушение связей с ним. Одиночество выкристаллизовывается и как личное ощущение, и как социальная отчужденность.

Платон, потом Аристотель, отстаивают государственные интересы, рассматривая их как наивысшие, самодостаточные, самодовлеющие, и, следовательно, выстраивают системы, которые включают человека в контекст социальной жизни через отказ от своих взглядов, предпочтений, намерений, то есть своей уникальности. Зависимость от акцентов, практикующихся в государстве, абсолютная. Каждый имеет возможность предъявлять себя в той мере, в которой соблюдает законы. Существование не разделяется на внешнее и внутреннее, две ипостаси человеческого бытия представлены единым целым – гражданственностью. Необходимо искоренить причины, мешающие ее осуществлению. Формальное единство, воспринимаемое как внутреннее одиночество, как реакция на происходящее, вступают в конфликт, нарушая согласие и единодушие жителей. Государство, ответственное за безопасность всех, должно инициировать коллективизм, устранить индивидуализм и следующее за ним одиночество. Греческие мыслители попытались предложить рационализированную модель отношений и определенный тип поведения, в котором родственно-племенные взаимосвязи заменяются на государственное регулирование поведения личности.

Задачу создать идеальный проект государственного устройства Платон воспринимал как долг перед согражданами. Угроза Афинам не ослабевала, напряженность в обществе могла перейти критическую точку, что создавало ситуацию выживания всей греческой цивилизации. Деятельность в масштабах анклава предполагает более сильные рычаги воздействия, внушения. Поэтому, конструируя новые формы управления, необходимо представить основания для устойчивых связей как внутри отдельно взятой группы, так и между сословиями. Выделяется только социально значимая часть населения. Эмоции, чувства, особенности характера часто не совпадают с обязательными для всех требованиями. Понять природу отклоняющегося поведения (одиночество воспринимается как болезнь, расстройство разума) значит определить социальную проблему, подобрать адекватные средства для ее нейтрализации. «... В государство многие люди собираются воедино, чтобы оказывать друг другу помощь и обитать сообща» [4, с. 130]. Чтобы граждане смогли насладиться радостью коллективного существования должны быть устранены объективные барьеры, нарушающие единство в социуме. Усилия, по мнению Платона, могут привести к нивелированию различий, устранению почвы для антагонистических противоречий. Богатство и бедность таковыми являются, заставляя забывать о долге,

патриотизме, общих интересах. Радикализм предложений связан с идеей устранения соперничества и зависти, субъективных чувств, разъединяющих граждан. «Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общегитии, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни справедливости, ни равности, ни зависти» [5, с. 148]. В «Государстве» он идет дальше в своих требованиях: запретить право собственности у высших сословий. Взаимные обвинения, споры исчезнут сами по себе, когда у человека не останется ничего, кроме своего тела, все остальное станет общим.

Вступая в пространство личных отношений, индивид испытывает потрясение, сталкиваясь с конкретными пороками и слабостями: ущемленным самолюбием, стремлением к славе, эгоизмом, завистью, тщеславием. Они сильнее ранят, воздействуют на психику, разрушают провозглашенные принципы, нарушается система социальных ориентиров. Вариативность поступков проста: или вступать в соперничество, или отступить, замкнуться в себе, тем самым, выпасть из поля общественной целостности. Платон считает, что государство должно взять на себя функции воспитания граждан. Общественное благо подается как единственный приоритет по сравнению с другими стимулами развития (желание первенствовать, властолюбие, стремление к большему почитанию). Человек поставлен в такие условия, что альтернатива предлагаемому отсутствует. Коллективные формы жизни, уверенность в своей гражданской значимости, самореализация через признание заслуг, определяет барьер продвижения твоих личных представлений, взглядов, наклонностей. Получив первоначальные установки, ощущая контроль со стороны всех (причастных к данному сословию) индивиду предоставляется возможность совершенствовать их на протяжении жизни. Четко оформленная направленность не позволяет отклоняться от магистрального пути. Баланс коллективного и личного определен раз и навсегда. Вера в абсолютность государственных требований и приоритетов не позволяет Платону вводить спорные моменты: зависть среди лучших и достойных граждан (чему были примеры в Афинах), честолюбие в борьбе за всех, несущее подтекст личных чувств. Самый сильный способ, по его мнению, – это соотношение с собой, когда недостойное поведение отражается в сознании как то, что не хотел бы видеть в других. Чувства обманчивы, но разум выделяет истинное, которое принадлежит не только этому миру, но и миру божественному.

Время Аристотеля – это время империи Александра Македонского, высшего расцвета античной цивилизации, ее военного и политического могущества. В своих произведениях он обращается к самой важной теме – обоснования государственного устройства, исходя из накопленного греками опыта социальной жизни. Расширение границ, вхождение в состав греческой цивилизации новых этносов, опасность утраты традиций – вот вызовы эпохи, которые нуждаются в рациональном обосновании, придании весомости прежним политическим аксиомам. «...Нелепо делать блаженного одиночкой, ибо никто не избрал бы обладание благом для себя одного, действительно, человек – общественное существо, и жизнь сообща прирождена ему» [6, с. 259]. Достижение успеха в обществе становится государственной задачей, в противном случае, греческий мир может распасться на составляющие, утратит свою привлекательность и жизнеспособность. Гражданин – неотъемлемая часть целого, коммуникация в государстве перестает быть частным делом, ее возможности, прочность, содержательность становятся показателем и критерием внутренней политики. Аристотель видит свой гражданский долг в обращении к данной проблематике. Главное – победить излишнее себялюбие, доказать выгоду добродетелей и отрицательное воздействие пороков для отдельно взятого человека. Осознание необходимости нравственной жизни, раскрытие себя другим соответствуют справедливости – ключевой категории античной философии. Дружба – один из способов избежать или сократить влияние одиночества. «Даже само присутствие друзей доставляет удовольствие и при удачах, и в несчастьях, так как страдание облегчается, когда другие разделяют наше горе» [6, с. 230]. Изолированность – это крайность, она противоречит разуму в своем отступлении от нормы. Для Аристотеля принцип «золотой середины» являлся наиболее приемлемым. Собственные интересы и желания должны учитывать чаяния другого, в противном случае, существование сообщества находится под вопросом.

В культурологии применяется принцип «культура стыда», как противоположный «культуре вины». В первом случае индивид оценивает себя глазами другого, ориентирован на его оценку одобрения. Без этой поддержки его утверждение в социальной жизни будет невозможно. Тесные связи взаимодействия позволяют комфортно чувствовать среди других. Одиночество, как образ поведения, в подобном случае не может способствовать продвижению своего «я» в пространство общественных и государственных институтов (мораль, религия, право, политика). «Культура вины» соответствует ярко выраженной индивидуальности и самосознание, обращается к моральным рефлексам, размышлению, способности самостоятельно оценивать свои поступки. Аристотель пытается совместить два эти положения. Прежний традиционализм исчерпал свои силы, оставаясь формальной парадигмой. Рационализация стала неотъемлемой частью греческой личности. Государственным целям более соответствует первый тип существования, но достижения в области культуры изменили структуру мышления. Теперь нужно не только призывать, но и доказывать. Индивид, полагающийся на силу

разума, почувствовал себя свободным от налагаемых традицией обычаев и жестких правил социализации - наступает ощущение одиночества. Индивид чувствует оставленность, неискренность со стороны государства. Его вера в общественную ценность претерпевает кризис. «Несмотря на то, что «патриотическое» движение в Афинах частично было выражением стремления вернуться к более стабильным формам жизни: к религии, скромности, закону и порядку, оно было морально порочно, его древняя вера была уже утрачена и занесена в основном лицемерной и даже циничной эксплуатацией религиозных чувств» [7, с. 230]. Собственное «я» становится центром выполнения, анализа, принятия решений, оно ищет другие основания для коммуникации или уходит в сферу личностных переживаний, теряя связь с социальным. Интересно, что известный идеолог либерализма двадцатого века К. Поппер настойчиво убеждает в преимуществах «открытого общества», которое ассоциируется с периодом Афинской демократии, то есть позитивной свободой, самостоятельным выбором, правом распоряжаться собственной судьбой. Предшествующее, «закрытое общество», основанное на традициях, дает человеку чувство приобщенности, цельности. «Открытое общество», как стандарт современной цивилизации, признает одиночество как составляющую процесса развития, следствие рациональности индивида, как компенсация за независимость.

В Греции в V в. до н.э. оформился институт остракизма, который действовал как средство борьбы с тиранией, олигархией, влиятельными лицами, представляющими опасность для правящей партии. Афиняне отказались от физического уничтожения своих сограждан, заподозренных во властных намерениях. После закрытого голосования им предлагалась ссылка на определенный период времени. Имущество сохранялось полностью за выслаемыми, то есть материальная утрата была равна нулю. Изгнание – тяжелое наказание, так как в другом городе-государстве они получают статус метеков (чужеземцев). Их права были достаточно широко представлены: разрешалось служить в армии, участвовать в религиозных церемониях, принятых в данном полисе, заключать браки с жителями, торговать, владеть собственностью. Однако, никаких политических прав у метеков не было. Изгнанник терял привычный круг общения, лишался почестей, славы, признания, которые отождествлялись с общественной деятельностью. Социальное одиночество истолковывалось греками как смерть при жизни, невозможность реализовать свою коллективную сущность рассматривалась как кара за пренебрежение полисной моралью, обычаями, за надменность, излишнюю гордость. Свободный человек тем и отличается от раба, что не может довольствоваться только животными потребностями. Гражданские обязанности возвышают, несут гармонию, как с самим собой, так и с другими. К сожалению, институт остракизма со временем выродился в средство сведения личных счетов, удовлетворение честолюбивых замыслов.

Движение кинизма представило еще один аспект решения проблемы социального одиночества. Антисфен, Диоген из Синопа, Гиппархия считают официальный коллективизм воплощенной ложью. Не чувствуя единства с обществом, они выбирают свой путь, отличный от общепринятого. Одиночество – естественная реакция на враждебность, непонимание, лицемерие. Коллективизму противопоставляется крайний индивидуализм. «Сам для себя», «сам по себе», отсутствие любых обязательств, отрицание долга как такового. Материальный и социально значимый критерий оценки человека не устраивает. Киник – борец-одиночка, не рассчитывает на государственную помощь, не укрывается за общественным мнением. Утверждая собственную свободу, он противостоит толпе, считая навязываемый ему образ жизни злом. У него нет ничего такого, что можно отнять (материальное, семейное, социальное). Замена официальных норм на дружбу, товарищество или одиночество (самого себя) определяется его свободным выбором. «Киники безжалостно разделились с красивым мифом о целостной и гармонической человеческой личности. На смену «прекрасному и благородному» герою высокой классики пришел человек, познавший горечь жизненных невзгод, раздираемый сомнениями, разочарованный во все привычных ценностях, неутомимый правдоискатель, вечно сражающийся с социальной несправедливостью, соблазнами мира и с самим собой» [8, с. 39]. Достижение автаркии (самодостаточности) позволяет отвернуться от мира, который не соответствует личным представлениям. Одиночество не пугает, наоборот, воспринимается как адекватный выход из создавшейся ситуации. Социальный маргинализм, как сознательный уход от ложности мира, сотворенного человеческими руками (государство, другие институты) можно считать латентной формой борьбы с одиночеством. Если сообщество не смогло решить вопрос о прочной коммуникации между гражданами, то индивид вынужден предпринять собственные усилия по восстановлению целостности неформальными методами.

Становление греческой культуры поставило вопрос о социальной коммуникации, как один из важнейших. В различные периоды он решался в зависимости от ценностной направленности, главенствующей в обществе. Родственно-племенные отношения сформировали модель цельности, единства, гармонии среди граждан, так как интересы государства и отдельного человека совпадали в силу постоянной внешней угрозы, заявленной взаимопомощи и поддержки. Объем отношений включает все наиболее важные линии существования индивида: совместное времяпровождение, открытость, взаимопонимание, объединение под религиозной и социальной эгидой. В философии Платона и

Аристотеля выделены проблемы, мешающие открытому общению: политические разногласия, материальное расслоение, представления о ценности личного происхождения. Рациональность представляет разноплановый вариант проблемы, переводит проблему общности в план личностного выбора, опирается на аргументированность системы, а не на эмоции и чувства. Упадок коллективистской морали создает новый тип коммуникации – социальный маргинализм, где критерием являются не официальные установки, а непосредственный опыт отношений. «Одиночество» теперь входит в европейскую цивилизацию не только как печальная данность, плата за развитие человека, но как сознательный выбор, в определенных условиях позволяющий личности, потеряв единство с внешним миром, не потерять себя.

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. Античная философия и общественно-исторические формации / А.Ф. Лосев // Античность как тип культуры. — М.: Наука, 1988. — 336 с.
2. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т. 1. / Плутарх. — М.: Правда, 1987. — 590 с.
3. Фукидид. Историки античности: в 2 т. Т. 1. История / Фукидид. — М.: Правда, 1989. — 405 с.
4. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. / Платон. — М.: Мысль, 1994. — 655 с.
5. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. / Платон. — М.: Мысль, 1972. — 411 с.
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. / Аристотель. — М.: Мысль, 1984. — 829 с.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 446 с.
8. Нахов И.М. Киническая литература / И.М. Нахов. — М.: Наука, 1981. — 302 с.
9. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. — 351 с.
10. Платон. Диалоги / Платон. — М.: Мысль, 1986. — 527 с.
11. Согомонов А.Ю. Феноменология зависти в древней Греции / А.Ю. Согомонов // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. — М.: Политическая литература, 1990. — 479 с.

Поступила в редакцию 2.10.2008 г.